

ВОЕННЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

ЭДУАРДА ХРУЦКОГО

ЭДУАРД ХРУЦКИЙ

ЧЕТВЕРТЫЙ ЭШЕЛОН

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х95

Иллюстрация на обложке — *П. Магась*

Хруцкий, Эдуард Анатольевич.
Х95 Четвертый эшелон / Эдуард Хруцкий. —
Москва : Эксмо, 2025. — 352 с. — (Военные
детективы Эдуарда Хруцкого).

ISBN 978-5-04-206176-9

Весна 1945 года. В Западной Белоруссии орудует жестокая банда нацистского пособника Болеслава Крука. Бандиты жгут колхозные угодья, грабят мирное население, убивают женщин и детей. В своих кровавых планах преступники замахиваются уже и на Москву. Но здесь им противостоит опергруппа полковника Ивана Данилова. Опытный сыщик знает, как нейтрализовать зарвавшихся головорезов. Раскрыть хорошо законспирированную в столице преступную сеть Данилову помогает небольшая улика, найденная на месте убийства одного из пособников банды...

В сборник вошла повесть «101-й километр».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-206176-9

© Хруцкий Э.А., 2024
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2025

ЧЕТВЕРТЫЙ ЭШЕЛОН

Повесть

Москва. 10—15 января

Данилов

Ветер разогнал облака, лопнувшие, словно мыльная пена, и тогда показалось солнце, круглое и нестерпимо яркое. Пронзительно засиял снег на крышах, а окна домов стали багрово-красными, как при пожаре. Казалось, что горит вся улица сразу.

Данилов открыл форточку, и мороз клубами пара ворвался в комнату. Тонко и легко зазвенели шары на елке, резче запахло хвоей. На старом градуснике за окном ртутный столбик застыл между цифрами «девятнадцать» и «двадцать».

Январь начался круто. Почти бесснежный, солнечный и яркий, он принес в Москву мороз и безветрие. Иван Александрович подождал еще несколько минут и захлопнул форточку. Все, теперь елка будет пахнуть хвоей несколько часов, и этот запах, пробиваясь сквозь тяжелый дым папирос, напомнит ему сегодня о детстве и тихих радостях.

Теперь надо поставить на столик, рядом с креслом, пепельницу, положить папиросы, сесть поудобнее и взять книгу.

Пять дней назад его вызвал начальник МУРа. Идя по коридору и готовясь к предстоящему разговору, Иван Александрович перебирал в уме все возможные упушения своего отдела и мысленно выстраивал схему беседы, проговаривал всю ее за себя и за начальника.

Он рассеянно здоровался с сотрудниками других отделов, но мысленно уже вошел в знакомый кабинет и сел около стола в жесткое кресло, «на свое место», как шутили его ребята.

Бессленный секретарь начальника Паша Осетров встал, увидев входящего в приемную Данилова. Его новенькие погоны даже в тусклом свете лампы отливали портсигарным серебром.

— Прошу вас, товарищ подполковник, товарищ полковник ждет.

С той поры как в милиции ввели погоны и персональные звания, Осетров ко всем обращался только сугубо официально.

На столе начальника горела большая керосиновая лампа под зеленым абажуром, и от этого в кабинете было по-прежнему уютно.

— Разрешите?

— Заходи, Данилов, садись. — Начальник достал из ящика стола тоненькую папку. — Стало быть, так. — Он хлопнул ладонью по картонному переплету. Знаешь, что это такое?

— Нет.

— Это точно, не знаешь. Пока. Здесь, Иван, все про тебя написано.

— Это кто же постарался?

— Гринблат.

— Из наркомата, что ли?

— Нет, Данилов, похуже.

— Оттуда? — Иван Александрович неопределенно махнул в сторону окна.

— Нет, там у тебя дружки нежные. Там за тебя генерал Королев стеной.

— Ну тогда буду тонуть в пучине неизвестности.

— Как хочешь. — Начальник открыл папку. — Гринблат — профессор, светило в некотором роде. Он консультировал тебя во время медкомиссии.

И тут Данилов вспомнил здорового старика в золотых очках, к которому он попал на медкомиссии. У него был медальный профиль и кирасирские усы. Старик беспрестанно курил толстые папиросы и громогласно командовал врачами.

— Курите? — спросил он Данилова.

— Курю.

— Вредно. Надо бросить, если хотите дожить до глубокой старости.

— Так у нас вообще работа вредная. — Данилов покосился на пепельницу, полную окурков.

— Мне можно. — Профессор улыбнулся. — Какой же интерес запрещать другим, если во всем отказывать себе?

Данилову старик явно нравился. Он был весел и совсем не похож на врача.

— Ладно, — профессор протянул ему портсигар, — закурите, но помните, что с сердцем у вас неважно.

— Это как же понимать? Плохо или совсем плохо?

— Если бы было плохо, я бы вас отправил в госпиталь. Неважно. — Старик, прищурившись, посмотрел на Данилова. — Давно беспокоит?

— С сорок второго.

— Лечились?

— Нет.

— Плохо. Это совсем плохо. Я выпишу вам лекарства, расскажу, как их надо принимать. Только помните, раз начали лечиться, лечитесь. Вам, — профессор заглянул в историю болезни, — сорок пять лет. С вашим сердцем еще можно жить и жить, только его поддерживать надо. Ясно?

— Ясно, — грустно ответил Данилов, старательно пытаясь вспомнить мудреное название болезни.

Когда он подходил к двери, старик крикнул ему в спину:

— Отдых, слышите, подполковник, отдых!

— ...Так вот, Данилов, — начальник полистал бумаги, — я в этом ничего не понимаю, но Гринблат настаивает на твоём отпуске. Я докладывал руководству, оно отнеслось с пониманием.

— То есть как это? — удивился Иван Александрович.

— А очень просто. Разрешено тебе отдохнуть аж целых десять дней. То-то. Видишь, какой ты у нас незаменимый, берегут твоё здоровье. Сдавай дела и — марш домой.

— А как же?..

— А вот так же, мне генерал приказал: будет сопротивляться — домой под конвоем. Кому передашь отдел?

— Муравьеву. Зама вы же у меня забрали.

— Игоря выдвинем чуть позже, мы документы в кадры уже заслали.

— Хорошо, — Иван Александрович встал, — это дело. Парень расти должен, ему майора получать скоро.

— Странно у нас с тобой получается. — Начальник прикрутил фитиль лампы. — Как хороший оперативник, так его на руководство. Пошли бумажки, сводки, и кончается сыщик...

— Это вы обо мне?

— О себе.

— А-а.

— Что акаешь? Я ведь дело говорю.

— Не мы эти порядки устанавливали.

— Это точно. Так ты дела передай сегодня же и — домой. А я прикажу, чтобы тебя никто не беспокоил. Лежи читай, в кино ходи, в театр. Когда последний раз в кино был?

— В сорок третьем.

— А я до войны. Но тем не менее ты сходи в кино, отвлекись.

— Схожу, — неуверенно ответил Данилов.

— Бодрости не слышу в голосе, Иван. Радости нет.

— Отвыкли мы от отпусков. Вы говорите — десять дней, а что я делать буду, не знаю.

— Разберешься. Ну, счастливо, жене кланяйся, будет у меня свободная минута — заскочу. Есть дома-то? — Начальник многозначительно щелкнул пальцами.

— Найду.

— Вот и хорошо. Отдыхай, Данилов.

В комнате стало темно, но он не зажег света. На это надо было потратить массу усилий: встать с кресла, дойти до окна, опустить светомаскировку, потом вернуться назад и зажечь лампу. Двигаться не хотелось. Хотелось сидеть, смотреть в окно, ставшее почти черным. В квартире посе-

лилась непривычная тишина, только на кухне звонко падали в раковину капли из крана.

Ему было хорошо сидеть вот так, бездумно, расслабившись. Старое кресло, мягкое и просиженное, названное почему-то «вольтеровским», удобно приняло его в свое уютное лоно и, казалось, несло куда-то сквозь полумрак и квартирную тишину.

Нет. Вставать положительно не хотелось. Нечасто за последние годы он мог так вот отдохнуть. С утра после завтрака сесть в кресло, взять пухлый том Алексея Толстого и читать не переставая, не останавливаясь. Найдя особо удачную фразу, Данилов опускал книгу и повторял ее несколько раз, словно пробуя на вкус. И немедленно слова приобретали какой-то особый, дотоле непонятный смысл, звучали совершенно по-новому.

Он так и просидел до темноты, а когда читать стало невозможно, опустил книгу на колени, унесясь в далекий семнадцатый век.

Телефонный звонок был неожидан и резок. И пока Данилов шел к телефону, он подумал, что это первый звонок за весь день.

— Слушаю.

— Витя?

— Нет, скорее я Ваня.

— А Витю можно? — Женский голос был до предела игрив.

— Вот Вити-то у нас и нет.

Ти-ти-ти — запела трубка.

Вот теперь надо закурить. Данилов нащупал пачку папирос, чиркнул спичкой и с удовольствием затянулся. Телефонный звонок словно разбудил его, вернул в привычный мир, разрушил связь времен, так прочно приковавшую его к царствованию Петра. Что и говорить, этот первый за многие годы отпуск он проводит очень хорошо.

Данилов затянулся, но почему-то не почувствовал вкуса папиросы.

«Я же курю в темноте, а когда не видишь дыма, не чувствуешь вкуса табака».

Он пошел к окну, опустил маскировочную штору, зажег лампу. Что же дальше? Наташа придет часа через два. Есть не хочется. Почитать? Нет. Пока не надо. Так нельзя, слишком много для одного раза. Это как переест вкусного. Что-то атрофируется. Может быть, погулять пойти? Эта мысль совсем развеселила Данилова, а вместе с тем он вдруг понял, что просто отвык от выходных. Разучился отдыхать, как другие люди.

Вчера вечером они с Наташей ходили в кино. Шел новый фильм «В шесть часов вечера после войны». Картина поразила Данилова своей полной отрешенностью от жизни. И хотя все это называлось музыкальной кинокомедией, Иван Александрович никак не мог понять, почему для этой цели режиссеру понадобилась именно военная тема.

На экране бравые командиры-артиллеристы, артисты Самойлов и Любезнов, затянутые новенькими ремнями снаряжения, командовали батареей сорокапятков. После первого же залпа поле покрылось огромными грибами разрывов. Когда дым на экране рассеялся, то зритель увидел искореженные, разбитые немецкие танки. Да и вообще война для авторов фильма была эдаким веселым пикником, на котором много поют, пляшут и иногда стреляют.

Они с Наташей шли домой по засыпанной снегом Пресне, и у Данилова никак не могло пропасть ощущение, что его обманули.

— Ну что ты такой надутый? Фильм не понравился?

— Не понравился.

— Ох, Ваня, до чего же ты трудный человек! — вздохнула Наташа. — Ты пойми, что это же комедия, гротеск...

— Так вот пусть смеются над чем-нибудь другим. Война — дело жестокое, над ней смеяться нельзя.

— Но ты пойми, главная идея фильма — победа. Свидание влюбленных после войны. Ты подумай о своевре-

менности фильма. Война еще идет, а мы уже говорим о победе.

— Я понимаю, — Данилов усмехнулся, — это все так. Но ведь можно было бы сделать по-другому. Без войны. Пускай герои говорят, пишут о ней, но не показывать сцен боя.

— Ох, Данилов, — вздохнула Наташа, — ты у меня ретроград и консерватор.

Иван Александрович тогда промолчал. Он не смог спорить с ней. Конечно, не ему судить о войне. В основном он видел последствия боев, выезжая на оперативные мероприятия в прифронтовую зону. Правда, ровно месяц он воевал в составе батальона московской милиции зимой сорок первого, под Москвой. Тогда-то он и увидел, что такое сорокапятка. Именно тогда под Волоколамском Иван Александрович сделал для себя горькое открытие, которое потом долго мучило его. За этот холодный и вьюжный месяц он понял, что недостаточно одной храбрости бойцов и командиров — нужна техника. Самоотверженность людей смогла остановить врага, а победить его смогла все-таки техника.

...Данилов погасил папиросу, вышел на лестницу, открыл почтовый ящик. Сегодня принесли «Правду» и первый номер «Огонька». По старой привычке открыл четвертую страницу. Итак, кино и театр. Кинокомедия «Сердца четырех» — «Метрополь», «Ударник», «Москва», «Колизей», «Художественный», «Штурм», «Форум», «Родина», «Таганский», «Орион», «Динамо», «ЗИС». Документальный фильм «К вопросу о перемирии с Финляндией» — «Метрополь».

«Новости дня» №18—44 — «Новости дня», «Хроника».

«Дело Артамоновых» — «Наука и знание».

«Жила-была девочка» — «Метрополь», «Заря».

«Воздушный извозчик» — «III Интернационал».

«Степан Разин» — «Кадр».

«Актриса» — «Экран жизни».

«Гроза» — «Диск».

«Семнадцатилетние» — «Экспресс».

И опять «Жила-была девочка». В «Авроре» можно посмотреть. «За Советскую Родину», «Заклученные» шли в «Повторном».

В ЦДКЖ — гастроль Ленинградского театра комедии, в Театре оперетты — «Украденная невеста», Театр миниатюр показывал «Где-то в Москве», в цирке «Сегодня и ежедневно заслуженный артист РСФСР А.Н. Александров — леопарды и черная пантера».

Данилов пробежал глазами объявления. Так, все понятно. Теперь первая страница.

«ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ЗА 10 ЯНВАРЯ

В течение 10 января северо-восточнее города Комарно наши войска с боями заняли населенные пункты Биня, Барт, Нова Вьеска, Перебете, Старая Дяла, Мартош и железнодорожные станции Нова Вьеска, Старая Дяла, Хетин, Комарно-Тэгельная (2 километра северо-восточнее города Комарно). За 9 января в этом районе наши войска взяли в плен более 800 немецких солдат и офицеров. В Будапеште наши войска, сжимая кольцо окружения немецко-венгерской группировки, с боями заняли крупнейший заводской район Чепель и остров Обудай с судостроительными верфями. За день боев нашими войсками занято в городе свыше тысячи кварталов. В боях в районе города Будапешта за 9 января взято в плен более 3000 немецких и венгерских солдат и офицеров. Северо-западнее и западнее Будапешта атаки пехоты и танков противника успешно отбивались нашими войсками. За 9 января в этом районе подбито и уничтожено 40 немецких танков.

На других участках фронта существенных изменений не было».

Он положил газету, взял «Огонек». На всю обложку портрет Грибоедова, на развороте фотография «На дорогах Венгрии». Бесконечная толпа пленных венгерских солдат, небритых, в мятых шинелях, в пилотках, натянутых на

уши. И сразу же память вернула его в жаркий июньский день прошлого, сорок четвертого года, когда по улицам Москвы вели немецких пленных. Огромная колонна растянулась по всей улице Горького. Голова ее была на площади Маяковского, а хвост — на Ленинградском шоссе.

Данилов стоял у кукольного театра у самой бровки тротуара, он был в форме, и поэтому ему удалось стать ближе к мостовой. Улицы были заполнены москвичами, люди сидели даже на крышах домов. Впереди колонны шли генералы и старшие офицеры. Эти еще пытались бравировать, были подтянуты, выбриты, кое-кто с моноклями. Они делали вид, что ровно ничего не случилось и что привели их сюда просто на прогулку. За ними шла безлико-серая масса, поражающая своим однообразием. Данилов внимательно вглядывался, но так и не мог запомнить ни одного лица. И, пропуская мимо себя шеренги небритых, неопрятных людей, он вспоминал октябрь 1941 года, почти пустые улицы Москвы, кучи сожженных бумаг во дворах. Тогда немцам не удалось войти в Москву. Теперь их ведут по улицам солдаты полка НКВД.

Данилов закрыл журнал и пошел надевать сапоги, он все же решил пройтись, хотя сама мысль об этом казалась ему смешной.

Муравьев (утро того же дня)

Игорь дописывал справку. Начал писать ее еще Данилов, но перед уходом в отпуск он положил перед Муравьевым несколько исписанных страниц и сказал:

— С сего дня согласно приказу по управлению я числюсь в десятидневном отпуске. Так что этот труд допишешь ты как мой заместитель.

— Как дописывать труд, — ехидно заметил Игорь, — так я заместитель, а как жалование получать — все старший оперуполномоченный.

— Тебя, Муравьев, погубит жадность. Не в деньгах счастье, товарищ капитан.